

Типовая застройка в Коньково, простой подъезд, обычный лифт. На пороге квартиры меня встречает необычный человек. Маргарита Михайловна Паншина — однополчанка Зои Космодемьянской и Веры Волошиной по военно-разведывательной части №9903. Человек, защищавший Москву осенью и зимой 1941 года.

Часть №9903 под командованием Артура Спрогиса была организована через пять дней после начала войны, и немедленно приступила к своей работе на Западном фронте. В её задачи входила прифронтовая разведка и диверсии в тылу врага: было необходимо остановить наступление немцев, а для этого требовалось лишить их продовольствия, оружия и связи. Отряды Спрогиса обстреливали машины и обозы, минировали дороги, рвали связь. Вместе с отступающими войсками Красной армии, к Москве подходила и часть №9903. Сначала она остановилась в домиках пустующего детского сада на станции Жаворонки, после очередного рывка немецких войск была вынуждена перебазироваться в Кунцево. И всё это время диверсионные отряды части, сформированные из военнослужащих, не переставали действовать в тылу врага. А с 15 октября в Москве начал проводиться отбор добровольцев. Спрогис лично беседовал с комсомольцами, желавшими защищать свою столицу. Тогда в часть попали студентка Кооперативного института Вера Волошина и десятиклассница Зоя Космодемьянская. На четыре дня раньше Зои Спрогис принял в часть восемнадцатилетнюю Риту Каравай — Маргариту Михайловну Паншину. До войны она жила на Большой Полянке с мамой, братом и сестрой. Училась в Московском институте инженеров транспорта.

— Когда война началась, мы только экзамен сдали за первый курс, и сразу же поехали на рытьё противотанковых рвов в сторону Вязьмы. Пробыли там месяца полтора, а когда вернулись, я не пошла в институт, а устроилась работать на военный завод — это был филиал завода Ильича на Серпуховской. Оттуда в конце октября ушла на фронт. Часть №9903 тогда находилась в Кунцево, раньше в этом одноэтажном здании было какое-то учреждение вроде канцелярии. Улицы никакой и не было — просто дом на опушке. Тир рядом находился небольшой, а спали мы в доме с несколькими комнатами, и отдельно стояла кухня. Помню, мы с девчонками дежурили, картошку чистили. Было 7 ноября, праздник. Как раз в тот день с задания вернулась Вера Волошина, и тогда-то я её и видела немного — всего три дня, потому что 10-го наша группа ушла в тыл. При первой встрече с Верой я поразились: ну такая красавица! Потом ещё с девчонками спорила: «У неё же на голове корона была из косы!». «Что ты, у неё была стрижка!» — отвечали. А оказалось, что Вера только после первого задания постриглась, а до этого у неё не косы были, а просто длинные волосы, она брала небольшие пряди над ушами, заплетала вверх и укрепляла возле лба. Золотистые волосы были, и сама светилась! Я ещё подумала: «Надо же, только вчера вернулась, уставшая, гружёная, голодная, а

выглядит — как со свадьбы!». Она выходила из основного здания, где были спальни. Ещё у нас был «красный уголок», где все собирались, но я ни разу туда не зашла. Наша группа жила в одной комнате (не все, десять человек, у нас двое в других комнатах спали), там мы и общались: и щебетали, и рассказывали, и пели! Лида Новикова у нас была, она в университете на химическом факультете училась, по-моему, даже два курса кончила, а перед самой войной замуж вышла: он ушёл воевать, и она ушла. Как она пела! «Вот и всё, так коротко и просто. Что ж еще, счастливого пути. Но пока я здесь на перекрестке, не успела я еще уйти, оглянись!» — это она у нас запевала. Мы потом подружились с сёстрами Лиды, они её, младшую, погибшую в Белоруссии, очень любили. И муж её с войны не вернулся.

Лида тоже с длинными волосами ходила на первое задание в Подмоскowie, а потом постриглась, когда поняла, как тяжело в лесу, где ни помыться, ни расчесаться. Когда давались обязательные дни отдыха после задания, девушки ехали в Москву, чтобы помыться, переодеться и остричь волосы.

— *Как прошло ваше первое задание?*

— У нас сразу сформировалась девичья группа, без ребят. Командиром стала Катя Пожарская. Мы решили, что так проще будет работать в тылу у немцев. Вояки из нас, конечно, были никудышные! Катя до войны работала делопроизводителем в институте. Она постарше нас была и поумней. А так она никакой военной специальности не имела, никакого опыта. Через линию фронта нас разведчики перевели, а дальше мы уже пошли самостоятельно — двенадцать человек вдоль оврага, по склону, рюкзаки на спине, полуавтоматы наготове. Причём на склоне этом даже не деревья растут, а кустарнички разные. И вдруг: «Хальт!» — раздаётся сверху. А мы же все на виду! И Катя кричит: «Огонь!». Мы валимся и стреляем. А те, наверное, глаза вытаращили, не сразу отреагировали. Хотя стрелять начали, несколько залпов было. И нет их. И мы подумали, что справились. Катя, конечно, сообразила, что нехорошо мы тут идём, тогда мы перешли овраг и в лес углубились по тропинке. А когда возвращались с задания уже дней через десять, то встретили ребят-разведчиков, которые нас через линию фронта перевели. И вот они нам говорят: «Мы тех немцев из пулемёта как саданули!». Ведь посмотрели на нас: кто идёт-то, шпана какая, кто с 23-го года, кто с 24-го. Вот и прикрыли огнём. Смотрят на нас и смеются. И мы смеёмся: «А мы решили, что сами тех немцев прогнали».

— *Какое у вас было задание?*

— Дороги минировали. Связь я не рвала, но этим занимались ребята — мы встретились с другой группой в лесу. И, конечно, ходили в разведку в деревни. Эти данные передавали начальству, с их помощью строилась оборона и готовилось контрнаступление. Мы были одеты в свою одежду. Потом уже, на третий что ли раз, нас одели потеплее. Снега в первых заданиях было немного, а потом-то спали прямо на

снегу, проваливались даже. Спали все вместе, чтобы теплее, один человек был часовым, ходил вокруг нас, чтобы не замёрзнуть, и к утру вытаптывал широкую тропу. А из спящих то один, то другой вскочит, попрыгает-попрыгает, согреется немного, и снова спать. И костёр нельзя было зажечь.

— *Невероятно... Как вы это переносили?*

— А вот я и сама думаю: помню, что прыгала, что было холодно, но чтобы так я переживала из-за этого... Ну, потом-то мы после войны в поход ходили — тоже ничего. Правда, это было осенью, и мы всегда костёр разводили. А вот тогда не пришлось. Вот ещё какой случай на первом задании был. Перешли мы линию фронта, идём по лесу, Катя-командир остановилась, потому что близко уже были поля, и сказала строго: «Идём след в след, и чтобы ни одного звука». И вот мы идём тихо-тихо! И вдруг в этой тишине Милочка Хотовицкая кричит вперёд с хвоста: «Катюш! А сколько в ППШ патронов?». Очень уж боялась она забыть то, чему нас научили за неделю.

После этого задания у Милочки пальцы на ногах отняли — обморозила. Ждали очень долго, чтобы перейти шоссе, а немецкие машины шли и шли. И Мила уснула. Мы-то немножко двигались, а она уснула. Так после госпиталя она вернулась к Спрогису, и попала на задание в Белоруссию, и прыгала с парашютом! Но когда ходила в разведку, угодила к предателю, тот сдал её немцам, а немцы отправили Милу в концлагерь. После войны она вернулась в Москву, в свой институт, вышла замуж. А какая она нежная, ласковая, это просто прелесть какая, а не Милочка! Хорошо воспитанная, красивая, загляденье! Она и сейчас жива.

— *Что тогда было для вас главным?*

— Суметь хоть что-то сделать! Обучение у нас было недельное, правда, много часов, но всё равно: ту же мину поставить не так-то просто. У нас только в первые месяцы подорвались на mine трое.

А мы так старались, когда мины ставили! Случай был такой: Елена Фиминова, когда стала ставить мину на дороге, никак не могла выкопать в мёрзлой земле ямку одной рукой. А в другой руке был запал. Тогда она взяла запал губами, стала копать обеими руками, сделала какое-то усилие и случайно задела зубами. Запал взорвался у неё во рту. И что ты думаешь? Наша Елена Павловна попала в какой-то далёкий госпиталь. А месяца через два она к Спрогису вернулась. И тоже десантировалась в Белоруссии, почти год там проработала. Она тоже жива — в Ясеневе живёт.

Что ещё вспоминаю? Не саму войну, а людей. Какие были люди! А ночью вижу всех как живых. Особенно ярко Лизу Беневскую. Она прежде выходила в других группах, но её перевели к нам, возможно, для усиления. Она такая была: ух! Хорошо сложенная, высокая! И не тогда её вижу, когда стреляли, а когда мы ехали к линии фронта, стоя в кузове грузовика. Мороз был за 30 градусов, грузовик открытый. Лиза у кабины стояла, не улыбалась, и такие были у неё глаза! Сразу становились понятными слова песни

«пусть ярость благородная вскипает, как волна». И такое одухотворённое лицо — счастливое тем, что она едет защищать свою Родину. А 19 января Лиза погибла в бою. Мы решили обстрелять немецкий обоз, они тогда отходили на запад по нашим дорогам. У меня близорукость, и чтобы пули зря не растратить, я решила подобраться к дороге ближе, чем остальные, залезла в кустарник. А мы тогда были на лыжах, и морозы стояли страшные. Появился обоз, мы начали стрелять. Как визжали лошади! Люди-то молча умирали, а лошади визжали...

А потом я ещё и последней осталась на месте боя. Был приказ отступить к Красному посёлку. Пока вылезала из своего укрытия, запуталась лыжным креплением в кустарнике, и пошла немного другой тропой. А девушек, шедших левее, обошли и обстреляли немцы. Двое девушек были убиты разрывными пулями, двое тяжело ранены, а ещё двое легко — у одной пуля попала в пряжку на ремне, у другой в книжку на груди. И вот Катя Пожарская нам рассказала потом, как увидела Лизу Беневскую — та стояла между двух берёз, наклонившись — как услышала, что Надя Жеглова просит пить... Немедленно отправились за санями, чтобы довести раненых. Раненую Катю Елину сразу нашли, а Лизы и Нади уже не было. Когда позже их тела подобрали жители, они были раздетые, видимо немцы их куда-то перенесли и одежду забрали. Когда взяли деревню Дулино, похоронили девушек на местном кладбище... А раненая в ноги Лия Кутакова ползла всю ночь, вставив руки в крепления лыж, к утру добралась до деревни, занятой нашими, два месяца пробыла на излечении в госпитале, и снова — на фронт. Но состояние здоровья не позволило Лии вернуться к Спрогису. Она попала в регулярную армию, и дошла до Берлина, войну окончила в Японии.

— *Ваш легендарный командир Спрогис каким был в жизни?*

— Мы все его очень любили. Как разведчик, он, безусловно, был на высоте. Про него девчонки друг другу рассказывали, дескать, он и латышский стрелок, и в Испании воевал. А человеком он был отзывчивым, всегда пытался выслушать, понять. Когда направлял на задание, рассказывал, что самое главное, старался предупредить, предостеречь. Очень заботливым был командиром. И сам участвовал в рейдах, но уже позже, в Белоруссии, был там ранен.

— *А Зою Космодемьянскую вы запомнили?*

— На общих занятиях по подрывному делу Зоя всегда задавала много вопросов. Я потому её и запомнила, что она дотошная была и серьёзная. Когда в тире упражнялись в стрельбе в одной группе, и нам командовали заканчивать, она не соглашалась уходить и продолжала стрелять. Ну а разве запретишь, если человек хочет тренироваться? И на задание Зоя ушла раньше многих, кто приехал с ней в часть в один день. Поговорить мне с ней не довелось.

Помню, как мы читали статью Лидова «Таня». Тогда, в феврале, часть базировалась уже на Красноказарменной улице, в комнате все девчонки были вместе, человек шесть.

Клава Милорадова пела «Віє вітер, віє буйний» (она любила украинские песни, и украинскому языку выучила дочь и внучку). А потом кто-то пришёл к нам с газетой и сказал: «Девочки, послушайте!» — и начал читать про партизанку Таню. Клава взглянула на фотографию в газете и говорит: «Так это же наша Зоя!».

Спрогис, конечно, обо всём знал раньше нас — у него было донесение Зоино командира Бориса Крайнова. Может, и не знал, как с ней обошлись, но всё остальное совпало: и место — деревня Петрищево, и бутылки зажигательные. Их, кстати, не всем давали, только тем группам, где были ребята — бутылки ведь тяжёлые. Нашей девичьей группе этих бутылок не выдавали ни разу. Так же с оружием было: кому полуавтоматы, кому пистолеты.

Конечно же, это была Зоя. И по тому, какой я её запомнила, и по тому, что довелось услышать про неё в дальнейшем, я отчётливо вижу: и на виселицу идёт — она, и на снегу лежит с верёвкой на шее — она...

Маргарита Михайловна не воевала в части до конца войны. По семейным обстоятельствам ей пришлось вернуться домой. В 1942 году она поступила на завод «Красный пролетарий» и одновременно на вечернее отделение Машиностроительного института, где встретила будущего мужа. С заводом связана вся её трудовая биография. Когда вышла на пенсию, начала работать над архивом части №9903: собирала информацию о погибших и пропавших без вести бойцах, искала их родственников и близких. Лишь полгода ей довелось носить оружие в руках, но сохранение памяти о бойцах и командирах части легло в том числе и на её плечи. Полгода — это совсем немного, но полгода войны, стойвшие жизнью, здоровьем, счастьем, полгода во имя свободы Родины — такие полгода иногда значат для других людей больше, чем иные десятилетия.